
КОММЕНТАРИИ

Материалом для этого тома серии стали по-своему наиболее характерные отечественные работы советского и постсоветского времени. В подборе материала мы старались избегать дублирования работ из серии издательского проекта, посвященного Ф. М. Достоевскому. Также мы не стали включать в этот том уже размещенные в другой антологии РХГА («Русская классика: pro et contra. Железный век») изыскания Л. П. Гроссмана, Д. И. Заславского (с характерным названием «Против идеализации реакционных взглядов Достоевского») и некоторых других советских авторов. Ряд известных, ставших уже классическими, трудов публикуются фрагментарно. В работах В. Н. Захарова, В. В. Борисовой, С. С. Шаулова, представленных в этой антологии, помимо концептуального изложения ключевых подходов к осмыслению Достоевского, дана подробная библиография основных вех российского достоевведения XX и первой четверти XXI в., что позволит читателям не ограничиваться только материалами этой книги. Комментарии составлены И. А. Есауловым (при участии Ю. Н. Сытиной).

В антологии Достоевский цитируется по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1972–1990, в круглых скобках после цитаты указываются номер тома и страница.

I

СЛОВАРНЫЕ «ОБЪЯСНЕНИЯ» ДОСТОЕВСКОГО

А. В. Луначарский

Достоевский Федор Михайлович

<Фрагменты>

Печатается по: Большая советская энциклопедия. [1 изд.] Т. 23. М., 1931. С. 332–346.

В отличие от более строгого словарного изложения В. Ф. Переверзева в Литературной энциклопедии, статью Луначарского отличает присущая ему

эссеистичность изложения («заставляли дрожать отзывно некоторые революционные струны нашего сознания»; «хорошая самозакалка») и размашистость формулировок. Даже там, где автор прибегает к классовой марксистской риторике, он стилистически использует напыщенные обороты пропагандистско-революционного характера («можно пройти только в броне законченного классового самосознания»).

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — революционер, пропагандист, советский государственный деятель, публицист, критик, переводчик, писатель.

Соч.: Культурные задачи рабочего класса. Пг., 1917; Критические этюды. Л., 1925; Литературные силуэты. Л., 1925; Судьбы русской литературы. Л., 1925; О Толстом, Сборник статей. М. — Л., 1928; и др.

<Без подписи>

Достоевский Федор Михайлович

Печатается по: Большая советская энциклопедия. 2 изд. Т. 15. М., 1952. Без указания автора. С. 148–151.

По сравнению со словарной статьей о писателе в первом издании, заметно ужесточение идеологических оценок («этот реакционный взгляд впоследствии получил свое развитие», «яростный пасквиль», «клеветнически изображены», «глубоко реакционный характер» (о Пушкинской речи), «с его отступничеством» и др.), согласующееся с подобной стилистикой послевоенного десятилетия в СССР.

А. А. Белкин

Достоевский Федор Михайлович

Печатается по: Большая советская энциклопедия. 3 изд. Т. 8. М., 1972. С. 466–468.

Обращает на себя внимание, что в словарной статье третьего издания БСЭ впервые появляется, хотя и с оговоркой, сочувственная ссылка на монографию М. М. Бахтина (как и в словарной статье в «Краткой литературной энциклопедии» того же автора: научного редактора отдела литературы и языка издательства «Советская Энциклопедия»). В приведенном фрагменте статьи эта ссылка нами опущена. Из всех других энциклопедических статей советского времени данная работа выделяется наиболее комплементарным (конечно, также с оговорками) отношением к писателю. Поэма («монастырская поэмка») ошибочно названа «Легендой» (очевидно, под влиянием известной работы В. В. Розанова).

Белкин Абрам Александрович (1907–1970) — литературовед, педагог, в 1954–1970 гг. — науч. редактор отдела литературы и языка издательства «Советская энциклопедия».

Соч.: Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917–1965. М., 1968; Читая Достоевского и Чехова. М., 1973; и др.

В. Ф. Переверзев

Достоевский Федор Михайлович

Печатается по: Литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1930. С. 396–407.

Книга Переверзева «Творчество Достоевского» (с предисловием П. Н. Сакулина) была издана еще в 1912 г. (в советское время неоднократно переиздавалась). Последовательный марксистский подход Переверзева в 20-х — начале 30-х гг. XX в. еще не размыт позднейшей смягчающей риторикой пришедших ему на смену идеологов. Важно отметить, что именно под руководством Переверзева с 1927 г. создаются новые советские программы по литературе в школе, в которых можно заметить возвращение к отвергаемой ранее русской классике. Тот дистиллированный классовый детерминизм, образец которого представлен в словарной статье, затем будет отвергнут как «вульгарный социологизм», «переверзевщина». Однако важно отметить сам момент перехода от исключения русской классической литературы из советского образования к лозунгу «учеба у классиков» (см. передовицу газеты «Правда» от 8 августа 1936 г. «Привить школьникам любовь к классической литературе»).

Переверзев Валерьян Фёдорович (1882–1968) — один из ведущих марксистов-литературоведов в России, а затем в СССР.

Соч.: Творчество Достоевского. М., 1912; У истоков русского реального романа. М., 1937; Гоголь. Достоевский. Исследования. М., 1982; и др.

Ф. Риза-Задэ

Достоевский на Западе

<Фрагменты>

Печатается по: Литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1930. С. 408–410.

Статья интересна тем вариантом отчетливо выраженного марксистского подхода, который затем будет назван в СССР «вульгарным социологизмом» (Достоевский как «выразитель настроений классовой группы»). Вместе с тем отдельные формулировки совершенно справедливы и подтверждены позднейшими западными достоеведами (например: «положительные герои Достоевского — Мышкин, Алеша, Зосима — не нашли себе подражателей на Западе. О них меньше всего говорится и в критике, которая всецело сосредоточивается на анализе “двойников” и “своевольных” героев Достоевского»).

Риза-Заде (Сайях) Фатима — иранская и советская литературовед и переводчик.

А. А. Белкин

Достоевский Федор Михайлович

<Фрагменты>

Печатается по: Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. С. 757–767.

Впервые в рамках словарной статьи появляется критическая оценка советского периода в изучении писателя (и даже самого «советского литературоведения»). Конечно, он локализован только лишь так называемым «культом личности»; к тому же, в соответствии с «шестидесятнической» идеологией тех лет, «сталинский» сегмент противопоставлен «ленинскому» периоду. Достоеведение представлено, наряду с именами квалифицированных филологов, вполне одиозными фигурами. Любопытно, что работа М. М. Бахтина в этой статье 1964 г. только упоминается, а в меньшей по объему энциклопедической статье 1972 г. того же автора — уже комплементарно цитируется. Ожидаемо тотально отсутствуют работы эмигрантских авторов.

Т. И. Орнатская, В. А. Туниманов

Достоевский Федор Михайлович

<Фрагмент>

Печатается по: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 165–177.

Статья в Биографическом словаре (наиболее качественном из всех энциклопедических изданий как советского, так — до сих пор — постсоветского времени), самая объективистски-нейтральная по отношению к Достоевскому из всех ведущих энциклопедических и словарных изданий. Здесь приведены последние три абзаца статьи. Наряду с безусловными достоинствами (по сравнению с предыдущими вариантами), обращает на себя внимание некоторое сглаживание коллизий вокруг наследия Достоевского. Так, М. Горький осудил не только «рецидивы “достоевщины”», но и доминантные установки самого Достоевского. «Гуманистические идеи» и «религиозные искания» отнюдь не идиллически-бесконфликтно соединяются как в общественной мысли русского XIX в., так и в творчестве Достоевского. Полного «диалога согласия» (М. М. Бахтин) между ними не было почти никогда, а градус столкновения определялся в разные эпохи и у различных философов, писателей и мыслителей (в том числе у Достоевского) существенно по-разному.

Орнатская Тамара Ивановна (1935–2016) — петербургский литературовед, текстолог. Одна из ведущих сотрудников группы по изданию первого академического Полного собрания сочинений Достоевского. В постсоветский период исследователь и публикатор наследия о. Иоанна Кронштадтского.

Соч.: К истории утраты рукописей романа «Братья Карамазовы» // Достоевский: материалы и исследования. 1992. Т. 10; Достоевский и Гончаров // И. А. Гончаров: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992; и др.

Туниманов Владимир Артемович (1937–2006) — петербургский литературовед, являлся заведующим Отделом новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома), президентом Российского общества Достоевского.

Соч.: Творчество Достоевского. 1854–1862. Л., 1980; Ф. М. Достоевский и русские писатели XX века. СПб., 2004; и др.

II

ДОСТОЕВСКИЙ И «ДОСТОЕВЩИНА»

А. В. Луначарский

О «многоголосности» Достоевского.

По поводу книги М. М. Бахтина

«Проблемы творчества Достоевского»

<Фрагменты>

Впервые: Новый мир. 1929. № 10. Печатается по этому изданию.

В целом, несмотря на критику, благожелательная рецензия первого наркома просвещения советского государства, а затем (с 1930 г.) и академика АН СССР на первое издание книги М. М. Бахтина (которая была републикована в книге Луначарского 1937 г. «Классики русской литературы»), казалось бы, не могла не оказать благотворного влияния если не на личную судьбу Бахтина, то хотя бы на распространение его пионерских идей в литературоведческом кругу и дать импульс развитию достоевведения. Однако этого не произошло. Только в послесталинские десятилетия эта работа (также републикованная в «Статьях о литературе» Луначарского в 1957 г. и в составе собраний сочинений в 1963 г.) послужила своего рода «легитимацией» для «возвращения» Бахтина (на нее, в частности, ссылаются и Шкловский, и Карякин). Любопытно, что Луначарский использует слово, которое не решился использовать Бахтин по отношению к художественному миру Достоевского, — соборность («гармоничная соборность»). Однако завершается эта статья «достоевщиной» (также сильное впечатление производит на современного читателя представленная советским наркомом картина русской повседневности XIX в.: эпоха, по его словам, «усеяна была трупами и полутрупами» писателей). Также обращает на себя внимание подробно описываемое, по выражению Луначарского, «использование религии» (и именно православия) не только Достоевским, но и Гоголем с Толстым. Книга Бахтина, собственно говоря, не давала повода для подобного экскурса. Однако гонения на Церковь,

с новой силой развернувшиеся в СССР именно в конце 20-х — начале 30-х гг., являются тем контекстом «малого времени», который позволяет сблизить «борьбу с религией» и «достоевщину».

В. Б. Шкловский

За и против: Заметки о Достоевском <Фрагменты>

Впервые: *Шкловский В. Б.* За и против: Заметки о Достоевском. М., 1957. Печатается по этому изданию. С. 74, 75, 76, 77–79, 116, 140, 141, 163–164, 246, 258.

Шкловский, подобно многим другим деятелям советской эпохи, отличался поразительной эластичностью своих научных убеждений, которая проявилась и в этой работе. На Первом съезде советских писателей именно он призывал «судить» Достоевского как «изменника». В этой же книге представлено уже не только «против», но и «за» Достоевского. Уместно в связи с этим напомнить, что в послесталинском 1956 г. достаточно широко отмечалось 75-летие со дня смерти Достоевского, в частности, начало выходить десятитомное издание сочинений Достоевского (без «Дневника писателя», но с художественными текстами из него). Хотя негативно оценочное понятие «достоевщина» появилось задолго до этой книги Шкловского (оно вошло даже и в Словарь Д. Н. Ушакова 1935 г., см.: *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1935. Стб. 784: одно из значений — «психологический анализ в манере Достоевского»), но именно Шкловский расширяет значение слова: «Достоевщина состоит в сознании невозможности, неправильности существующего, в сознании каменной стены, стоящей поперек дороги, ощущении идеала и в сознании невозможности его достичь» (из содержания книги ясно, что «достоевщина» присуща, по Шкловскому, не только героям Достоевского, но и самому Достоевскому). Если рецензент Ю. Г. Оксман оценил книгу весьма положительно («В. Шкловский не “уничтожает” и не “возвеличивает” Достоевского — он исследует...» (Новый мир. 1957. № 12. С. 198), то для В. В. Ермилова, выступившего в журнале «Коммунист» со статьей с характерным названием «Против ложного истолкования Достоевского», более всего неприемлемо желание Шкловского «во что бы то ни стало “революционизировать” Достоевского» (Коммунист. 1958. № 2. С. 118). Автор книги имел возможность ответить своему критику (см.: *Шкловский В.* Против // Вопросы литературы. 1960. № 4). Если отвлечься от «малого времени» этих советских по духу дискуссий, то следует признать справедливость нареканий одиозного Ермилова. Однако же педалирование «прогрессивности» Достоевского (как и других отечественных писателей) было общей чертой второго этапа советского освоения русской классики.

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — советский литературовед, критик, теоретик литературы, прозаик, киновед, сценарист.

Соч.: Воскрешение слова. СПб., 1914; Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917; Техника писательского ремесла», М.; Л., 1927; Гамбургский счёт. Л., 1928; и др.

Л. А. Шубин

Гуманизм Достоевского и «достоевщина»

<Фрагменты>

Впервые: Вопросы литературы. 1965. № 1. С. 78–94. Печатается по этому изданию.

Несмотря на то что Достоевский не входил в область преобладающих научных интересов Л. А. Шубина, автору принадлежит неопределимая заслуга в том, что осуществилось второе издание книги Бахтина о русском писателе. Статья — в ее полном варианте — представляет интерес как одна из первых весьма квалифицированных и оригинальных интерпретаций этого издания бахтинской книги. Однако работа характерна — уже в области истолкования собственно Достоевского — тем, что содержит типичное противопоставление чрезвычайно позитивно оцениваемого «гуманизма» писателя (подобное акцентирование постепенно стало почти обязательным в советском достоеведении послесталинского периода) и «достоевщины». Даже и чрезвычайно высоко оцениваемая им книга Бахтина подается как столкновение «достоевщины» и «гуманизма», что, по-видимому, помимо прочего, для самого Шубина являлось одним из горестно осознаваемых издательских «компромиссов». Неизбежность подобных «уступок» в практике советского книгоиздания автор статьи переживал чрезвычайно остро (Ср.: «мы взяли за шахматную партию с чёртом, и что бы мы ни делали, всё равно проиграем» — Книжное обозрение. 1991. № 2). По словам Г. А. Белой, «ненависть к советской власти разрушила его (Л. А. Шубина. — *И. Е., Ю. С.*) жизнь» (Белая и её гвардия (интервью) // Профиль. 5 ноября 2001. С. 103).

Шубин Лев Алексеевич (1928–1983) — литературовед, старший редактор издательства «Советский писатель».

Соч.: Платонов А. П. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5 М., 1968; Поиски смысла отдельного и общего существования: Об А. Платонове. Работы разных лет. М., 1987.

Ю. Ф. Карякин

Антикоммунизм, Достоевский и «достоевщина»

<Фрагменты>

Впервые: Проблемы мира и социализма. 1963. № 5. С. 33–41. Печатается по этому изданию.

Чрезвычайно характерная статья для второго этапа советского освоения (и трансформации) русской классики. С одной стороны, в статье ярко проявляются особенности «малого времени» советской «борьбы» с «культурой личности» Сталина («Находясь под тягостным впечатлением культа личности <...> полагают, что культ тот коренится в природе коммунизма»).

Некоторые пассажи читать достаточно забавно, но они, кроме определенного этапа советского достоевеведения, ярко передают и особенности создания наших «шестидесятников». Так, отношение Великого инквизитора к Христу Карякин характеризует при помощи излюбленной шестидесятниками «оппозиции» Ленин/Сталин, следующим образом передавая мысли последнего: «Ленин судил о людях слишком высоко. Он захотел исправить подвиг Ленина...».

С другой же стороны, здесь присутствуют некоторые общие для всего советского периода русской истории аксиологические установки. Так, перспектива, заданная эпитафиями, совершенно однозначна: Маркс, по Карякину, отвечает на тот вопрос, который поставил, но не смог разрешить Достоевский. Характерно также особого рода советское «законничество»: обширные апологетические цитаты из Маркса, Ленина, а также ближайшего ко времени написания статьи высшего партийного деятеля (в данном случае это Н. С. Хрущёв). В борьбе с некими «антикоммунистами» Карякин, как это обычно и делали другие советские публицисты-пропагандисты, указывает на совокупный тираж произведений Достоевского. Однако его же собственная статья демонстрирует, под каким идеологическим конвоем подавались «советскому народу» эти «тиражи» и какие мысли приписывались русскому писателю. Ср.: «Достоевский подходит к мысли о том, что сама религия антигуманна и что этот антигуманизм ни в чем не проявляется так ярко, как в оправдании существования в мире зла». Слова героя Достоевского о картине Гольбейна («От такой картины вера может пропасть») Карякин в итоге относит и к «собственным творениям» писателя. Хотя и в этом также можно увидеть ближайший исторический контекст, стремление соответствовать изгибам линии Партии (новым — хрущевским — гонениям на Церковь), однако вопиющее в своей неадекватности изложение художественного мира Достоевского (в его произведениях, мол, «горит ветхое тряпье религии, горит, чадя едким дымом») не сводимо только лишь к «хрущевским» идеологическим установкам. Особого рода лексическая экспрессивность автора словно бы «возвращает» читателя к первому — неистовому в «разоблачении» России — большевистскому десятилетию («Жертва самодержавия, он стал его апологетом, апологетом палача»). Отсюда и кажущееся парадоксальным — из-за частичной «реабилитации» писателя — употребление идеологических ярлыков минувших уже десятилетий. Ср.: «“Достоевщина” — это культ страдания, наслаждение им, это — юродство, лживая мысль о том, что все люди — “из подполья”, что все они, если покопаться, — “дрянь”, это — смакование уродства и подлости, это — больная совесть человека, утешающегося тем, что якобы вообще нет людей с чистой совестью, это — ковыряние ран и посыпание их солью вместо излечения, это — болезненная тяга к изображению больных сторон жизни».

Уже в постсоветское время (Знамя. 2007. № 11) в статье под названием «Перемена убеждений» сам Ю. Ф. Карякин, ставший одним из функционеров ельцинского времени, описывая свою работу и жизнь в Праге (в 60-е годы он был направлен на работу в международную редакцию журнала «Проблемы мира и социализма»), считает эту статью «прорывом». Не без некоторого са-

модовольства он так характеризует републикуемую здесь свою работу: «Весть об этой статье сразу разнеслась по Москве и Ленинграду, а потом докатилась и до провинции. Ведь статья эта, несмотря на то что в ней было много заградительных оговорок, стала своего рода “амнистией” Достоевского на родине, где он был в течение десятилетий советской власти “запрещенным” писателем. Статья получила широкий и добрый резонанс». Читатель антологии может сам убедиться — какого «рода» эта «амнистия».

Карякин Юрий Фёдорович (1930–2011) — литературовед, писатель, публицист, общественный деятель.

Соч.: Самообман Раскольникова (Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»). М., 1976; Достоевский. Очерки. М., 1984; Достоевский и канун XXI века. М., 1989; Достоевский и Апокалипсис. М., 2009; и др.

В. Н. Захаров

Синдром Достоевского

Впервые: Север. 1991. № 11. С. 145–151. В дополненном виде статья опубликована в книге «Имя автора — Достоевский» (М., 2013). Печатается с дополнениями по этому изданию.

Захаров Владимир Николаевич (р. 1949) — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, исследователь теоретических и историко-литературных проблем русской литературы, текстологии, главный редактор Полного собрания сочинений Достоевского (канонические тексты) в авторской орфографии и пунктуации (1995–), «Проблем исторической поэтики», электронного журнала «Неизвестный Достоевский». Вице-президент Международного общества Достоевского.

Соч.: Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978; Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л., 1988; Проблемы исторической поэтики: Этнологические аспекты. М., 2012; Имя автора — Достоевский: Очерк творчества. М., 2013; и др.

А. А. Долинин

Набоков, Достоевский и достоевщина

Впервые: Старое литературное обозрение. 2001. № 1. С. 39–46. Печатается в сокращении по этому изданию.

Долинин Александр Александрович (р. 1947) — литературовед и переводчик, составитель и комментатор ряда изданий В. В. Набокова.

Соч.: История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988; Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007; и др.

В. Н. Захаров

Интервью С. Рязанову.
«Всё яростнее попытки выгнать хозяина из дома»

Впервые: Аргументы недели. № 23 (767). 16–22 июня 2021 г. Интервью. Печатается по этому изданию.

Интервью взято по случаю двухсотлетия со дня рождения Достоевского и посвящено рецепции творчества и личности писателя в современном социуме.

III**БАХТИН И ЕГО ПОЗДНЕЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ****М. М. Бахтин**

Проблемы творчества Достоевского
<Фрагменты>

Впервые: *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского Л.: Прибой, 1929. Печатается по: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 181–187.

Представленные в антологии фрагменты не вошли во второе издание книги, вышедшее — под названием «Проблемы поэтики Достоевского» — в 1963 г. Они были впервые (с 1929 г.) републикованы в сборнике бахтинских трудов «Эстетика словесного творчества» и публиковались в последующих переизданиях Бахтина только как часть книги 1963 г. Одним из важнейших концептуальных отличий является решительный отказ автора книги 1963 г. от сопоставления диалога Достоевского с диалогами Платона (по формулировке раннего Бахтина, подобное сближение «кажется нам вообще несущественным и непродуктивным»), тогда как в «Проблемах поэтики Достоевского» сократический диалог является одним из звеньев цепи европейской диалогической традиции, которой наследует полифония Достоевского. Другой аспект — это утверждение, взамен отрицаемого сократического диалога в книге 1929 г. (что отражено в публикуемых фрагментах), значимости для понимания диалогизма Достоевского «диалога Иова и некоторых евангельских диалогов». Если в ранней книге Бахтин уверенно утверждает, что их «влияние... неоспоримо» на Достоевского, то во поздней книге эти важные формулировки опускаются.

Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) — русский философ и филолог. Расширил понимание поэтики до эстетики словесного творчества. Разработал теорию полифонического романа. Ему посвящено отдельное издание серии «pro et contra».

Соч.: Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; и др.

Жанровые и сюжетно-композиционные особенности
произведений Достоевского

Впервые: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. Печатается по этому изданию. С. 115–202.

Мы размещаем (в сокращении) главу четвертую книги о Достоевском, поскольку именно она является самым существенным добавлением к бахтинской книге 1929 г.

К переработке книги о Достоевском

Впервые: <План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского»>. Контекст-1976. М., 1977. С. 293–316. Печатается в сокращении по: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 308–327.

Переработкой своей книги 1929 г. о Достоевском автор занимался во второй половине 1961 — первой половине 1962 г. Публикуемый текст был начальным этапом этой работы. Далеко не все намерения Бахтина по переработке книги были затем реализованы им во втором издании 1963 г. Практически все комментаторы отмечают, что содержание бахтинских черновых записей значительно шире практической задачи доработки первого издания: это формулировка открытия Достоевским личности как нового предмета художественного творчества, соотношение духа и души, сравнение авторской активности по отношению к герою с «активностью» Бога по отношению к человеку и др. В снятом виде эти религиозно-философские положения имеются и в самой книге, однако не с такой методологической отчетливостью, как в черновых записях. Со времени первой публикации отдельные положения проспекта приобрели (наряду с положениями, вошедшими в «Проблемы поэтики Достоевского» 1963 и последующих изданий) самостоятельное методологическое значение в отечественном и мировом достоевведении.

Интервью Збигневу Подгужецу.
О полифоничности романов Достоевского

Впервые: Россия. Russia. 2. Torino, 1975. Печатается по: *Бахтин М. М.* Собр. соч. Т. 6. М., 2002. С. 458–465.

Интервью взято в 1971 г. в связи с 150-летием Достоевского. Впервые опубликовано (частично) в том же году в польской газете «Polityka» (15 октября). Полный (русский) вариант интервью впервые опубликован через четыре года в итальянском издании «Россия. Russia» и републикован в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (1998. № 4). В чрезвычайно сгущенном (хотя и популярном) изложении здесь передаются ведущие концептуальные принципы бахтинского подхода к наследию Достоевского.

Збигнев Подгужец (1935–2002) — польский журналист, переводчик и литературный критик.

В. В. Кожин

Величие писателя
Достоевский и Бахтин
<Фрагменты>

Впервые: *Кожин В. В.* Размышления о русской литературе. М., 1991. Печатается по этому изданию. С. 239–255.

Представленные в антологии статьи В. В. Кожина «Величие писателя» и «Достоевский и Бахтин», опубликованные литературоведом и критиком в 1970 и 1976 гг., приводятся по указанному выше изданию. Датировка (воспроизводимая в книге) имеет особое значение: автор подчеркивает, что «статьи были опубликованы в свое время в урезанном и “приглаженном” виде, ибо редакции и издательства не хотели и не осмеливались печатать их без сокращений и “смягчений”. Сегодня я бы мог, конечно, восстановить первоначальные тексты и, более того, дополнить и “заострить” их. Но, как мне представляется, правильнее и даже важнее опубликовать... тесты... статей в том самом виде, в каком они появились в печати в период “застоя”. Ведь именно эти тексты участвовали так или иначе в общем деле осмысления классической литературы» (*Кожин В. В.* Размышления о русской литературе. М., 1991. С. 4). В данном случае составитель при отборе обширного литературоведческого наследия Кожина руководствовался лишь акцентуацией в этих статьях автором проблемы Достоевский и Бахтин, совсем иначе трактуемую им, чем это делает С. Г. Бочаров (см. последнюю публикацию в данном разделе).

Кожин Вадим Валерианович (1930–2001) — критик, литературовед, историк.

Соч.: Виды искусства. М., 1960; Происхождение романа. М., 1963; Тютчев. М., 1988 (в серии ЖЗЛ); Размышления о русской литературе. М., 1991; и др.

С. Г. Бочаров

Бахтин-филолог: книга о Достоевском
<Фрагменты>

Впервые: Вопросы литературы. 2006. № 2. Печатается по: *Бочаров С. Г.* Филологические сюжеты. М., 2007. С. 459, 461–471, 472–476, 477, 480.

Работы С. Г. Бочарова и В. В. Кожина, самых близких — не только биографически, но и мировоззренчески — из позднейшего (последнего) окружения Бахтина (третьим следует назвать Г. Д. Гачева) являются, пожалуй, наиболее адекватными попытками истолкования достоевских штудий русского философа, филолога и мыслителя, а также «переводами» его наследия в современный (им) гуманитарный контекст. Одновременно они отражают резко несхожие грани той единой при жизни Бахтина, но затем (в позднейшие советскую и постсоветскую эпохи) распавшейся филологической среды, а потому

эти различные по самой сути своей попытки интерпретации бахтинской мысли являются и отдельными заметными страницами истории отечественного литературоведения.

Бочаров Сергей Георгиевич (1929–2017) — советский и российский литературовед, редактор собр. соч. М. М. Бахтина.

Соч.: Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974; О художественных мирах. Сервантес, Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов. М., 1985; Сюжеты русской литературы. М., 1999; Филологические сюжеты. М., 2007. Генетическая память литературы. М., 2012; и др.

IV

ТЕЛЕОЛОГИЯ РОМАНОВ ДОСТОЕВСКОГО

А. П. Скафтымов

Тематическая композиция романа «Идиот»

Впервые: Творческий путь Достоевского. Л., 1924. С. 131–186. Печатается по: *Скафтымов А.* Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972. С. 23–33, 35–36, 39–43, 44–45, 46, 47–49, 50–51, 52–55, 56–57, 58, 59, 60, 61–64, 65, 66, 67, 69–70, 71, 73–74, 75–79, 80–87.

Работа имеет существенное методологическое значение, поскольку именно в ней обосновывается телеологический подход к изучению художественного произведения. Статья является не только особой вехой в истории отечественного литературоведения (после попыток философских осмыслений Достоевского и до бахтинского периода его понимания), но и — в некотором смысле — до сих пор непревзойденной по мастерству интерпретации романа Достоевского.

Скафтымов Александр Павлович (1890–1968) — доктор филологических наук, профессор, литературовед, фольклорист, этнограф.

Соч.: Поэтика и генезис былин: очерки. Саратов; М., 1924; Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939; Статьи о русской литературе. Саратов, 1958; Поэтика художественного произведения. М., 2007; и др.

Б. М. Энгельгардт

Идеологический роман Достоевского

Впервые: Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Л.; М., 1924. Т. 2. С. 71–105. Печатается по этому изданию с использованием цитирования текстов Достоевского по академическому полному собранию его сочинений.

По формулировке М. М. Бахтина, Энгельгардт понял «адекватнее всех основную особенность творчества Достоевского». В статье аргументируется особое значение «идеи» в романах писателя, где герой становится одержимым «человеком идеи»: в этом смысле Энгельгардт и определяет роман Достоевского как «идеологический». Этот тип романа противопоставляется другим: авантюрному, сентиментальному, психологическому, историческому. Идея у Достоевского, как демонстрирует Энгельгардт, рассуждая о трех планах в его романе («среда», «почва», «земля»), это предмет изображения, а не принцип изображения и не лейтмотив изображения. Полагая, что «система романов» Достоевского «образует своеобразную художественную “феноменологию духа” русской интеллигенции», Энгельгардт продолжает традицию русского философского осмысления наследия писателя.

Энгельгардт Борис Михайлович (1887–1942) — филолог, литературовед и переводчик.

Соч.: *Формальный метод в истории литературы*. Л., 1927; *Избранные труды*. СПб., 1995; *Феноменология и теория словесности*. М., 2005; и др.

В. Л. Комарович

Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство
<Фрагменты>

Впервые: Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Л.; М., 1924. Т. 2. Печатается по: *Комарович В. Л.* «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском. М., 2018. С. 153–191.

В. Л. Комарович впервые в достоеведении попытался соединить выделенных им пять обособленных сюжетов романа Достоевского особым «телеологическим» соподчинением, уподобляя художественное целое романа полифонической музыке, где «5 голосов фуги, последовательно вступающих и развивающихся в контрапунктическом созвучии, напоминают “голосоведение” романа Достоевского».

Комарович Василий Леонидович (1894–1942) — литературовед, специалист по творчеству Достоевского, Пушкина, древнерусским летописям.

Соч.: «Мировая гармония» Достоевского // *Атеней: Историко-литературный временник*. 1924. № 1–2; «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском. М., 2018; и др.

Ю. Ф. Карякин

Правда посюстороннего мира
(К столетию романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание»)

Впервые: *Вопросы философии*. 1967. № 7. С. 147–158. Печатается с сокращениями по этому изданию.

Статья является типичным продуктом советского шестидесятничества. Она начинается с эпиграфа из К. Маркса, обширные выдержки из сочинений которого призваны «корректировать» *правду* Достоевского, а завершается цитированием В. И. Ленина. Вступая в «спор» с Достоевским, Ю. Ф. Карякин задает вопросы: «...эти истины превосходны, чисты и благородны, но как с ними быть в жизни реальной, а не выдуманной, в жизни еще не преображенной?»; «Выходит, насилие не является абсолютно недопустимым и абсолютно безнравственным средством?», приводя «неотразимые», как он полагает, аргументы в пользу допустимости именно *насилия* и благотворности для судеб мира законнического *наказания*, а не христианского прощения (которое, согласно логике автора статьи, но не Достоевского, является *утопией*). Поскольку Революция в шестидесятническом сознании — ценность абсолютная (ее «завоевания» нарушил лишь Сталин, а потому и нужно вернуться к «ленинским нормам жизни»), то и Достоевского Карякин «оправдывает» весьма специфическим образом. Так, он уверяет, будто и «...даже в моменты своей предельной вражды к революции он (Достоевский. — *И. Е.*) оставался верен завету первого русского революционера (Радищева. — *И. Е.*)». Впрочем, Достоевский может быть «оправдан» только лишь отчасти: «...не забудем ни на мгновение, что тот же самый Достоевский выдвигал разоблаченные им самим “арифметические” доводы в пользу царских, реакционных, захватнических войн, поддерживал внешнюю политику царизма, освящал ее с помощью самых “высоких” соображений, способствовал разжиганию шовинизма, стремился отрезать Россию от Запада и проповедовал реакционно утопическую идею о том, будто “Царь наш действительно миролюбив...”».

Обращает на себя внимание, что и в 1967 г., когда миновали уже хрущевские гонения на Церковь, автор статьи продолжает азартно разоблачать православные воззрения Достоевского, одновременно приписывая писателю какие-то совершенно чуждые ему убеждения: «Его “самокритика” христианства — это самоубийство религии»; «значит, “первородного греха” нет»; «для Достоевского Катерина Ивановна реальнее, ближе, роднее, чем абстрактный бог. Она для него выше бога (здесь и далее уместно сохранить известные особенности советского извода русского правописания, как мы и сделали в тексте самой статьи. — *И. Е.*)»; «Дилемма — между крестом и топором, третьего не дано! — выдвинутая Достоевским, им же самим объективно и разрушается. Отвергается не только топор, но часто и крест»; Достоевский «отвергает и бога». Карякин, полемизируя с христианскими установками Н. Бердяева, заявляет: «Достоевский минус “достоевщина” — это величайшее, ценнейшее наследие человечества», однако из приведенных цитат совершенно ясно, что под «достоевщиной» имеется в виду самая сердцевина православных воззрений писателя. Поэтому и особенный, советской выделки, «гуманизм» («конкретный» и «деятельный»), который Карякин находил — благодаря Гегелю, Марксу, Энгельсу и Ленину — в Достоевском, должен быть непременно очищен от «достоевщины», то есть от «религиозных наслоений», от «религиозно-абстрактных ламентаций».

В. Н. Топоров

Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления
(«Преступление и наказание»)
<Фрагмент>

Впервые: Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 91–109. Печатается по: *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 207–211.

Статья В. Н. Топорова — в более объемном виде опубликованная в издании «Structure of texts and semiotics of Culture» (Mouton: The Hague-Paris. 1973. P. 225–302) сразу же вполне заслуженно вошла в «актив» международного достоеведения и до сих пор не потеряла своего влияния. Посвященная М. М. Бахтину, работа остается в рамках того русла «мифопоэтики» (как и труды Е. М. Мелетинского), где собственно христианский смысловой пласт, угадываемый в построениях Бахтина, растворяется в общей логике мифа («архаических схем мышления»).

Топоров Владимир Николаевич (1928–2005) — доктор филологических наук, литературовед и лингвист, действительный член АН СССР (1990).

Соч.: «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М., 1995; Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. М., 1995, 1998; Странный Тургенев: Четыре главы. М., 1998.

Е. М. Мелетинский

Как сделаны «Братья Карамазовы»
<Фрагмент>

Впервые: *Мелетинский Е. М.* Достоевский в свете исторической поэтики. Как сделаны «Братья Карамазовы». М., 1996. С. 71–108. Печатается по этому изданию.

Работа ведущего отечественного фольклориста и представителя «мифопоэтического» направления в исследовании текстов, посвященная «Братьям Карамазовым», является крайне показательным образцом современного применения методов анализа этого направления к поэтике Достоевского. Пытаясь скорректировать концепцию Бахтина, Мелетинский настаивает на том, что у Достоевского и «мировоззренческие постулаты при этом формируются весьма отчетливо и даже навязчиво, что эти постулаты легко могут быть представлены в виде набора оппозиций и что этот набор оппозиций прямо используется при построении системы образов». Однако указанная *легкость* может возникнуть исключительно при соответствующей методологической установке исследователя, когда им — при всех оговорках — в его научном описании постулируются у Достоевского персонажи «положительные» и «отрицательные». Те бинарные оппозиции, которые выстраивает, анализируя текст Достоевского (русское/нерусское; народный/ненародный, вера в Бога/безверие) исследователь, последовательно описывая посредством

этих оппозиций галерею персонажей романа и его «сюжетную схему», столь же последовательно редуцируют смысл произведения.

В схеме Мелетинского нет как будто бы ничего, чего не было бы у Достоевского, исследователь ведь «только» описывает текст. Но делает он это таким образом, что в результате подобного описания происходит подмена *главного* и в предмете описания. Особо отметим овнешняющие кавычки в следующем аналитическом описании: «Вера в Бога и вера в народ ведут к “соборности” (хотя Достоевский не пользуется этим термином)». Рассуждая о вине за отцеубийство, в последнем абзаце своей работы Мелетинский неожиданно переходит к самому автору. С его точки зрения, Достоевский «делает достаточно убедительной партию “разоблачаемого” интеллектуала-атеиста не только в силу диалогического “многоголосия” (по Бахтину), но и потому, что в своих собственных колебаниях Достоевский не был так уж далек от Ивана Карамазова» (*Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ, 2001. С. 188*).

Елеазар Моисеевич Мелетинский (1918–2005) — советский и российский филолог, историк культуры, основатель научной школы теоретической фольклористики.

Соч.: Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958; Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963; Поэтика мифа. М., 1976; Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983; Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. Историческая поэтика новеллы. М., 1990; Заметки о творчестве Достоевского. М., 2001; и др.

В. Е. Ветловская

Поэтика романа «Братья Карамазовы»

<Фрагмент>

Впервые: *Ветловская В. Е.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977. Печатается по этому изданию. С. 52–54, 55–68. Здесь представлена глава 2 монографии: «Отношение автора к словам героя. Раздел первый. Понятие авторитетности».

Ветловская Валентина Евгеньевна (р. 1940) — доктор филологических наук, литературовед, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, специалист по творчеству Достоевского.

Соч.: Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988; Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007; Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф. М. Достоевский // Христианство и русская литература. СПб., 1994; и др.

В. Н. Захаров

Что открыл Достоевский в «Бедных людях»?

Впервые: Достоевский и современность: Тезисы выступлений на Старорусских чтениях. Новгород, 1989. С. 37–41. Печатается по этому изданию. В значительно расширенном варианте опубликовано в книге В. Н. Захарова «Имя автора — Достоевский» (М., 2013).

Б. Н. Тихомиров

Роман о преступлении, наказании
и воскресении Родиона Раскольникова

Впервые: *Тихомиров Б. Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. Печатается с сокращениями по этому изданию. С. 7–37.

Тихомиров Борис Николаевич (р. 1952) — литературовед, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, президент Российского общества Достоевского.

Соч.: Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. СПб., 2012; «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб., 2012; и др.

И. А. Есаулов

Между анализом и интерпретацией
(«Преступление и наказание»)

Впервые сокращенный вариант статьи был опубликован в 1998 г. в «Проблемах исторической поэтики» (вып. 5) под названием «Пасхальный архетип в поэтике Достоевского» как доклад на X Симпозиуме Международного общества Достоевского (New York, Columbia University, 1998). В полном виде работа печатается впервые.

Л. И. Сараскина

Фантом раскаяния Родиона Раскольникова
в современных адаптациях
романа Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание»

Впервые: *Mundo Eslovo*. № 16 (2017). Pp. 364–372. Печатается по этому изданию. В основу статьи лег доклад, прочитанный на XVI Симпозиуме Международного общества Достоевского (XVI Symposium of the International Dostoevsky Society. University of Granada, 2016).

Сараскина Людмила Ивановна (р. 1947) — доктор филологических наук, литературовед и литературный критик, главный научный сотрудник Сектора Медийных искусств Государственного института искусствознания.

Соч.: «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990; Возлюбленная Достоевского. Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994; Достоевский (серия ЖЗЛ). М., 2011; и др.

V ДОСТОЕВСКИЙ И ТРАДИЦИИ

Р. Г. Назиров

Достоевский и романтизм

Впервые: Проблемы теории и истории литературы: Сборник памяти профессора А. Н. Соколова. М., 1971. С. 346–359. Печатается по этому изданию.

Напрямую не полемизируя с уже почти «канонизированным» в советское время определением реализма («типичные характеры в типичных обстоятельствах»), автор тем не менее показывает, что «...важнейшие характеры у Достоевского не типичны, а парадоксальны», «исключительны», что и «типичны» в мире писателя также не «обстоятельства», но «явления духовной жизни», «типические образы идей». Р. Г. Назиров не соглашается с определением художественного мышления Достоевского как «романтического», но акцентирует значимость для писателя романтической традиции.

Назиров Ромэн Гафанович (1934–2004) — литературовед, доктор филологических наук, специалист в области истории русской литературы XIX в., компаративного литературоведения.

Соч.: Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982; Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа, 2005.

В. В. Ванчугов

Значение Ф. М. Достоевского для русской философии
<Фрагменты>

Впервые: *Ванчугов В.* Очерк истории философии «самобытно-русской». М., 1994. Печатается по этому изданию. С. 354, 356–357, 358.

Ванчугов Василий Викторович (р. 1964) — доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета.

Соч.: Москвософия & Петербургология. Философия города. М., 1997; Русская мысль в поисках «нового света»: «золотой век» американской философии в контексте российского самопознания. М., 2000; и др.

В. Н. Захаров

Христианский реализм в русской литературе: Постановка проблемы

Впервые: Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2001. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. С. 6–20. Печатается по этому изданию.

Б. Н. Тихомиров

«Кто же это так смеется над человеком?»
(Мотив «онтологической насмешки» в творчестве Достоевского)

Впервые: *Dostoevsky Studies. New Series*. 2013. Vol. XVII. P. 73–97.
Печатается по этому изданию.

И. А. Есаулов

«Норма», «ненормальность» и карнавал
в художественном мире Достоевского («Идиот»)

Впервые сокращенный вариант статьи был опубликован в 2019 г. в сборнике «Русский классический Логос: измерения и посоки. Юбилейный сборник, посвящен доц. д-р Николай Нейчев (Пловдив: Университетско издателство “Паисий Хилендарски”)» под названием «Юродство и шутство в романе “Идиот”: объяснение, интерпретации, понимание» как доклад на XVII Симпозиуме Международного общества Достоевского (Boston University). Другой фрагмент работы публиковался в монографии «Пасхальность русской словесности» (Москва, 2004). В полном виде статья печатается впервые.

VI**ДОСТОЕВСКИЙ
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ****А. П. Скафтымов**

«Записки из подполья» среди публицистики Достоевского

Впервые: *Slavia*. 1929. Praha, 1929. Roc. VIII. Кн. 1. С. 101–117; Кн. 2. С. 312–339. Позднее вносилась авторская правка. Печатается с сокращениями по: *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972. С. 88–133.

Статья отчетливо полемична по отношению к тем интерпретациям «Записок из подполья», которые, во-первых, склонны неправоммерно сближать героя произведения с автором; во-вторых, противопоставлять авторскую установку в «Записках...» другим периодам жизни писателя: «Достоевский и здесь выступает тем же идеологом любви и совести, каким он был и раньше и после до самой смерти». Скафтымов не находит и в герое произведения «аморализма», который ему часто приписывали как современники автора статьи (например,

Л. Шестов), так и ряд исследователей нашего времени. Открытием Скафтымова является убедительное доказательство органической связи «Записок...» со «славянофильской (почвеннической) публицистикой “Времени” и “Эпохи”». Вместо «провозглашения крайнего индивидуализма» и «отрицания всяких идеалов», исследователь акцентирует в «Записках...» совершенно другой смысл: «Речь идет лишь о неприятии за идеал того, что выдается за идеал рационалистическими теориями. Но даже и у героя подполья оставлена сама жажда идеала, искание его...».

Г. М. Фридендер

О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского

Впервые: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. Л., 1980. С. 7–26. Печатается по этому изданию.

Г. М. Фридендер являлся одним из тех, кто в поздний советский период организационно определял направление изучения Достоевского. Его научная биография достаточно типична для определенной категории литературоведов (например, книга «К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы» (1962) была позже защищена им как докторская диссертация). Уже и в середине 80-х гг. продолжают выходить его работы, заглавия которых говорят (в СССР) сами за себя («Методологические проблемы литературоведения», «Классическое эстетическое наследие и марксизм»).

«Эпоха зрелого социализма», о которой не забывает напомнить Фридендер в публикуемой в антологии статье, имела одну характерную стилевую особенность, которая достаточно выразительно отличала не только ее, но и большинство работ этого времени как от первоначального яростного большевизма, так и суровых сталинских десятилетий: стремление к предельной стёртости речи, что должно было свидетельствовать о специфически истолковываемой «академичности». С содержательной же стороны работа обращает на себя внимание также передающей особенностью эпохи предельной «бесконфликтностью» построений. В одном ряду «фундаментальных» трудов в статье размещены, к примеру, Бахтин с Шкловским и В. Я. Кирпотин. В более поздние годы подобное — через запятую — «бесконфликтное» перечисление станет одной из самых неприятных стилевых характеристик кандидатских (а то и докторских) диссертаций в нашей стране. Первые абзацы работы, передающие типичное ощущение своеобразной «вечности» остановившегося брежневского времени (по словам сатирика другой эпохи, «история прекратила течение свое»), позволяющие ощутить дух «эпохи зрелого социализма», мы передаем целиком. Если ранее авторы занимали четко определенную позицию, характеризуя Достоевского, как по отношению к «французскому утопическому социализму», так и «славянофильству», то в позднесоветский период возобладала несколько всеядная «синтетичность» («системность»), которая проявляется, к примеру, в излюбленной формуле бесчисленных сборников того времени: «традиции и новаторство». В исполнении Фридендера этот «синтез» звучит так: «Сегодня в науке возникла потребность в более многостороннем подходе».

Или так: «В настоящее же время творчество Достоевского все чаще изучается также в системе более широких связей с различными творческими методами, жанрами, художественным опытом и стилевыми исканиями всей предшествующей Достоевскому и позднейшей русской и мировой литературы — от древности до наших дней». Иными словами, размывается всякая определенность, тщательно обходятся — по возможности — все «острые углы». Экономика должна быть экономной, а стиль по возможности безличным: «...наша эпоха, эпоха зрелого социализма, особенно остро поставила и ежедневно продолжает ставить перед нами вопрос о путях трансформации всех веками слагавшихся межчеловеческих отношений, создании нового гармонического строя общественных и нравственных отношений и о воспитании полноценного, всесторонне развитого человека, здорового духовно и телесно». Этот непередаваемый ни на какие языки (в том числе на классический русский) образец стиля более приличествует Отчетному докладу на каком-нибудь Съезде КПСС, нежели литературоведческой статье, однако публикуемая статья «установочная» — и в этом смысле задающая определенные «стандарты».

Это стремление сгладить противоречия (и тем самым до неузнаваемости трансформировать подлинную историю русской литературы XIX века) проявляется не только в педалировании т. н. *гуманизма* «реакционного» Достоевского (созвучного «гуманизму» советского социума), но и в подчеркивании особого «демократизма» писателя: «...сегодня <...> возникли необходимые научные предпосылки, позволяющие рассматривать *демократизм* Достоевского (со всеми присущими ему противоречиями) не как антитезу по отношению к мировоззрению революционеров и социалистов той эпохи, а как качественно особый, специфический тип *демократизма*, отличный от сознательного политического *демократизма* участников тогдашнего революционного движения, но в то же время...». Нет, Достоевский, конечно, отнюдь не заслужил того, чтобы его определять революционным демократом (как Белинский, Чернышевский и Добролюбов), «но в то же время...». Задействованы в изучении Достоевского, как увидит читатель статьи, и «сегодняшние проблемы освоения космоса». Еще одной особенностью «синтеза» по-советски является решительное забрасывание действительно важнейших для Достоевского православных воззрений целым роем других «социальных и философских» идей XIX века, которые Достоевский «сложным образом синтезировал», да еще «в гуманистическом духе». Даже и «в беседах и поучениях Зосимы» Фридендер обнаруживает «элементы не только «восточного» православия, но и «западного» гуманизма. Сами же творения Достоевского — при таком подходе — это именно «культурно-исторический синтез», «синтез разнообразных общественно-литературных и культурно-исторических традиций». Литературовед писал «о некоторых очередных задачах». Но на самом деле вышло, что статья итоговая. Этот — амнистированный, но «синтетический» Достоевский — и явился своего рода последним этапом советского достоевеведения.

Фридендер Георгий Михайлович (1915–1995) — советский и российский литературовед, академик РАН, руководитель группы Достоевского при Пушкинском Доме. Инициатор и руководитель издания Полного собра-

ния сочинений Достоевского в 30 т. (1972–1990). Основатель серии сборников «Достоевский. Материалы и исследования».

Соч.: Реализм Достоевского. М.; Л., 1964; Достоевский и мировая литература. М., 1979; Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб., 1995.

Ю. И. Селезнёв

Достоевский
<Фрагмент>

Впервые: *Селезнёв Ю. И.* Достоевский. М., 1981. Серия: Жизнь замечательных людей. Печатается по этому изданию.

Критик Ю. И. Селезнёв в позднесоветском литературном окружении имел репутацию «неославянофила». Он действительно не призывал вернуться к «ленинским нормам жизни», не относился так безоглядно апологетически к Марксу-Энгельсу-Ленину, как это демонстрировали другие отечественные шестидесятники («западники»): ср., например, публикуемые в антологии статьи Ю. Ф. Карякина. Тем не менее и он зачастую также позволяет себе — в отношении Достоевского — рассуждения в духе своего времени (но не времени Достоевского или большого времени русской культуры). Ср.: «не питаю уже никаких иллюзий в отношении Александра II и его администрации, он (Достоевский. — *И. Е.*) все еще строил в своем воображении утопию о монархе нового типа»; «Нужна революция нравственная, духовная, революция сознания...» и т. п.

Селезнёв Юрий Иванович (1939–1984) — литературовед, критик, публицист.

Соч.: Необходимость Достоевского // Вопросы литературы. 1980. № 7; Мысль чувствующая и живая. М., 1982; и др.

И. Л. Волгин

Ничей современник
<Фрагмент>

Впервые: Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М., 2019. С. 653–664. Фрагмент книги («Вместо послесловия»). Печатается по этому изданию.

Волгин Игорь Леонидович (р. 1942) — доктор филологических наук, литературовед, историк, достоевед, президент Фонда Достоевского, поэт, профессор факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и Литературного института им. А. М. Горького.

Соч.: Последний год Достоевского. Исторические записки. М., 1991; Родиться в России. Достоевский и современники. Жизнь в документах. М., 1991; Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М., 2000; и др.

В. А. Викторovich

Эффект «Пушкинской речи»
в русской журналистике

Впервые: *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 2. С. 122–156.
Печатается в сокращенной авторской редакции.

Викторovich Владимир Александрович (р. 1950) — литературовед, доктор филологических наук, профессор Государственного социально-гуманитарного университета.

Соч.: Достоевский и В. П. Мещерский // *Русская литература*. 1988. № 1; Гоголь в творческом сознании Достоевского // *Достоевский: материалы и исследования*. 1997. Т. 14; «Евгений Онегин». Роман читателя: Н. Новгород, 2017; и др.

VII**СЛОВО У ДОСТОЕВСКОГО****Ю. Н. Тынянов**

Достоевский и Гоголь:
к теории пародии
<Фрагменты>

Впервые: *Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь: к теории пародии*. Пг., 1921. Печатается по: *Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино*. М., 1977. С. 198–226.

Работа входила также в книгу Тынянова «Архаисты и новаторы» (1929). Как и другие научные труды формальной школы, оказала значительное влияние на развитие отечественного и мирового литературоведения (в том числе русистики). Отправная точка рассуждений автора состоит в установке заменить «старые» понятия литературной науки «традиции», «преемственность» противоположным им по смыслу — «борьбой». Так «эволюция» становится на самом деле «революцией» (что почти сразу же было отмечено таким критиком формального метода, как М. М. Бахтин).

Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — литературовед и критик, представитель русского формализма, прозаик, драматург, сценарист, переводчик.

Соч.: Проблема стихотворного языка. Л. 1924; Архаисты и новаторы. Л., 1929; Пушкин и его современники. М., 1969; Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977; Литературная эволюция. Избранные труды. М., 2002; и др.

В. В. Виноградов

Школа сентиментального натурализма:
Роман Достоевского «Бедные люди»
на фоне литературной эволюции 40-х годов

Впервые: Творческий путь Достоевского. Л., 1924. С. 49–103 (заглавие: «Сюжет и архитектоника романа Достоевского “Бедные люди” в связи с вопросом о поэтике натуральной школы»). С небольшими изменениями вошло в книгу автора «Поэтика русской литературы: Избранные труды» (М., 1976). Фрагмент работы «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский» печатается по этому изданию. С. 141–187.

Уже первые рецензенты работы В. В. Виноградова обратили внимание на методологическую задачу работы: истолковать художественное произведение как акт становления художественных форм, преобразующих предшествующие и являющихся источником будущих. Так, Л. П. Гроссман подчеркивал: «Исследователь показывает, как Достоевский развивал или пародировал принципы натуральной школы, синтезировал их с неосентиментализмом 40-х годов и, отрекаясь от изжитых шаблонов гоголевских форм, сохранял эстетически-действенные черты “гоголизма” (особенно явственно сказавшиеся в новелле “Шинель”). Разрушая общепринятые каноны и одновременно с замечательной смелостью синтезируя элементы этих разрушенных шаблонов в совершенно новые сочетания, Достоевский разрешал сложнейшие проблемы поэтики 40-х годов» (Русский современник. 1924. № 2. С. 294–295). По обычной для Виноградова обстоятельности изложения, которая сочетается с широкими обобщениями, работа автора до сих пор является непревзойденным — в некотором смысле — образцом научного труда.

Виноградов Виктор Владимирович (1894–1969) — лингвист и литературовед, доктор филологических наук, академик АН СССР.

Соч.: Стиль петербургской поэмы «Двойник» // Достоевский: Сб. I. Пг., 1922; Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Л., 1929; О языке художественной литературы. М., 1959; и др.

Д. С. Лихачев

В поисках выражения реального

Впервые: Достоевский: материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 5–13. Печатается по этому изданию.

Хотя и до публикации работы Д. С. Лихачева неоднократно фиксировалось, что «произведения Достоевского рассчитаны на <...> ощущение подлинности и поэтому переполнены “реквизитом”», однако именно автор статьи продемонстрировал, что описания этого «реквизита» может составлять «существенную черту поэтики произведений» писателя. В десятилетия, когда превозносимый

литературоведами и критиками «реализм» перестал быть собственно термином, а стал оценочным ярлыком (с его непременными «типичными обстоятельствами» — см. вступительную статью к тому), Лихачев напомнил, что Достоевский «видел в “типичниках” низший род писателей, издевался над приемами типизации “господина типичника”. Действительность своевольна, не всегда может быть точно объяснена, полна частностями и мелочами, — “типичное” же выдуманно...». Действительность (реальность) отнюдь не определяется ни «типичским», ни «средой» (в связи с чем Лихачев не забывает добавить, что последнее слово — «ненавистное для Достоевского»), но — в художественном мире писателя — «больше всего обнаруживает себя в деталях, в мелочах, в случайном, в происшествиях, в скандалах, в несчастьях, в преступлениях, в чудовищном».

Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906–1999) — доктор филологических наук, профессор, филолог, культуролог, искусствовед, академик АН СССР.

Соч.: Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы 11–17 вв. М.; Л., 1945; Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958; Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; Текстология. М.; Л., 1962; и др.

«Небрежение словом» у Достоевского

Впервые: Достоевский: материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 30–41.
Печатается по: URL: <https://iknigi.net/avtor-dmitriy-lihachev/125828-literatura-realnost-literatura-dmitriy-lihachev/read/page-4.html>

В статье с предельной убедительностью показано, что «недоработанность стиля» Достоевского связана не с биографическими обстоятельствами его писательской деятельности, но является существеннейшей особенностью поэтики автора, который «небрежение», «недоработанность» сознательно «выставляет напоказ перед читателем». То «впечатление торопливости речи, неряшливых и как бы неумелых поисков точности», которые являются особенностью художественного мира Достоевского, направляют и особую читательскую диалогическую активность (которая, очевидно, сама также является частью этого внутреннего мира произведений).

Н. А. Тарасова

«Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание»

Впервые: Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 190–216.
Печатается по этому изданию.

Тарасова Наталья Александровна — доктор филологических наук, специалист в области текстологии и творчества Достоевского, ведущий научный сотрудник Группы Достоевского Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Соч.: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1876–1877 годы. Критика текста. М., 2011; Христианская тема в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: проблемы изучения. М., 2015; и др.

VIII СПЕКТР ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ДОСТОЕВСКОГО

Б. Н. Тарасов

Tertium non datur:

к вопросу о месте и значении творчества Ф. М. Достоевского
в мировом историко-культурном процессе
<Фрагмент>

Впервые: Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М., 2017. С. 153–222. Печатается по этому изданию.

Тарасов Борис Николаевич (р. 1947) — российский писатель и литературовед, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Литературного института им. А. М. Горького

Соч.: Паскаль. М., 1979; Чаадаев. М., 1986; Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (Христианская мысль и современное сознание). М., 1999; Куда движется история? Метаморфозы людей и идей в свете христианской традиции. СПб., 2002; и др.

С. С. Шаулов

Религиозность Достоевского как методологическая проблема советского литературоведения

Впервые: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Вып. 7 // Проблемы исторической поэтики. 2012. Вып. 10. № 3. С. 216–223. Печатается по этому изданию.

Шаулов Сергей Сергеевич (р. 1980) — кандидат филологических наук, литературовед, заведующий отделом «Дом-музей М. Ю. Лермонтова» Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля, специалист по творчеству Достоевского.

Соч.: Н. Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Уфа, 2011; Структура негативной рецепции Ф. М. Достоевского в современной культуре // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 5; и др.

И. А. Есаулов, Ю. Н. Сытина

«Маленький человек» Достоевского
в историко-литературной перспективе:
между «вещью» и личностью

Впервые: Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. Вып. 3. С. 419–428. Печатается с сокращениями по этому изданию.

Сытина Юлия Николаевна (р. 1988) — кандидат филологических наук, литературовед, доцент Московского государственного областного университета.

Соч.: Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов. М., 2019; В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1; Пасквиль П. В. Долгорукова на В. Ф. Одоевского как возможный прототекст статьи Келлера в «Идиоте» Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 1; и др.

В. В. Борисова, С. С. Шаулов

Достоевский на рубеже XX–XXI веков:
антиномии интерпретаций

Впервые: *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 4. С. 5–47. Печатается с сокращениями по этому изданию.

Борисова Валентина Васильевна (р. 1953) — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, специалист по творчеству Достоевского.

Соч.: Национальное и религиозное в творчестве Ф. М. Достоевского. Уфа, 1997; Национальное и религиозное в творчестве Достоевского (проблема этноконфессионального единства и многообразия) // *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 14. СПб., 1997; «Дело о Куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2018. Т. 5. № 1; и др.